

СТАРАЯ СИБИРЬ О ПУШКИНЕ

ебезынтересно оглянуться на прошлое, посмотреть, насколько изменилось лицо читателя, познакомиться с первыми читателями Пушкина—современниками великого поэта в Сибири.

В те годы, когда жил и творил свои бессмертные произведения несравненный мастер художественного слова, Сибирь была местом каторги, местом изгнания. Высшие классы сибирского общества, в руках которых находилось управление всей административной и экономической жизнью края, насчитывали единицами людей, в культурном отношении стоявших наравне с запросами тогдашней Москвы и Петербурга. Культурные силы пополнялись за счет «политических—государственных преступников», административно-ссылных, приезда чиновничьей, духовной знати, редкого числа педагогов и путешественников. Постепенно из гимназии и семинарии, где обучались дети правящих классов, выростала своя местная интеллигенция.

Первые упоминания в Сибири читателя о Пушкине мы встречаем в 1823 году в записях известного путешественника Алексея Мартоса. Автор книги «Письма о Восточной Сибири», восхищаясь в доме троицкосавского купца Черепанова портретом Ермака, «самым прекрасным из всех доселе в России и Сибири виданных», записал в свой путевой дневник 21 декабря 1823 г.: «Человек великий! Ты забыт...

но, может быть, звучная лира¹ Пушкина воскресит твои подвиги, может быть, творец Минина передаст отечеству изображение твое, исполин доблести, и тогда никто не дерзнет упрекнуть потомков в непризнательности герою Сибири».² Так в троицкосавской крепости уверенно говорили в 20 г. XIX ст. о мощи, силе пушкинского гения. Цитированные выше мысли Мартос опубликовал в своей книге в 1827 г., вероятно, в надежде на то, что они дойдут до поэта.

В холодный декабрьский день 1827 г. в Иркутск прибыли партии декабристов. Александр Бестужев (Марлинский) с Матвеем Муравьевым в нервном ожидании отправления их в ссылку в Якутск, ходили по губернскому городу Восточной Сибири. Они еще не успели уехать на Лену, как новую партию декабристов, закованных в кандалы, стал размещать генерал-губернатор Цейдлер в Иркутском остроге. В это время писатель Бестужев-Марлинский присылает соратникам восстания на Сенатской площади новое опубликованное поэтическое произведение общего друга заключенных—Александра Пушкина—«Цыганы».

«Бестужев мне прислал «Цыган»,—вспоминает об этом периоде этапной жизни в своих «Записках» И. Д. Якушин.— Это новое произведение Пушкина прочел я с истинным наслаждением. В тот же вечер нас повели в баню... к крайнему моему удивлению вошел в баню Александр Бестужев, весь в мыле; я спрыгнул с пьлки и обнял его; мы пробыли здесь вместе, разумеется, недолго, и имели только время перемолвить несколько слов о «Цыганах»—Пушкина».³ А на завтра в Якутск и за Байкал повезли жандармы лучших людей николаевского времени и каждый из них увозил с собою, вместе с проклятием, царей, самое дорогое и светлое—радость ощущения того, что там, далеко за Уралом, крепнет голос славного певца свободы—любимого Пушкина.

¹ Разрядка наша.

² „Письма о Восточной Сибири“ Алексей Мартос Москва 1827 г.

³ „Записки И. Д. Якушкина“ изд. 3-е 1905 г. стр. 135.

...«Двадцатого мая 1827 года сухопутный корабль мой перерезал Ангару у триумфальных ворот Иркутска—и, по указанию местной полиции, положил якорь на торговой площади». Так записал в путевой журнал о приезде в Иркутск петербургский морской офицер, поэт Александров.

Град пышный на Неве, и невские Хариты,
И Пушкин и Дидло, Моцарт и Вальтер-Скотт,
И книги, и цветы, и юные ланиты,
И дачи, и сады, и гвардия, и флот.

Все это навсегда оставил Матвей Александров, сменив, очевидно, не по собственной воле, на долгие годы раздумья и тоски в Сибири.

Человек большой культуры, он в первые же дни спрашивает хозяина своей квартиры:

— Где у вас продаются книги?

И на этот простой, казалось бы, вопрос вместо ответа получает недоуменный вопрос:

— Книги, сударь, каких вам книг надобно?

— Разные книги,—продолжает беседу пораженный Александров,—как в Москве и Петербурге, и в других больших городах России.

— Нет, сударь,—продолжает собеседник,—здесь этаким товаром не занимаются. Не подходящая статья. Кто будет покупать здесь книги, кому и на что они?..¹

В поисках библиотеки, культурной среды, знакомясь с жителями Иркутска, Александров получил приглашение в дом адмирала ангарского флота, которого рекомендовали поэту, как человека «немножко из числа мечтателей», человека, который «даже имеет глупость заучивать наизусть стихи Пушкина и Жуковского». Конечно, таких «глупцов» насчитывались в культурно-отсталом Иркутске единицы. В те дни чиновничья и духовная знать губернского города,

¹ „Воздушный тарантас или воспоминания о поездках по Восточной Сибири”—М. Александрова. Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. Том I, СПб., 1875 г.

а за ней нарождавшийся класс торговой буржуазии—полуграмотные сибирские торговцы—с любовью заучивали высокопарные стихи поэта-вельможи Державина, а намечавшаяся тяга к творчеству Пушкина считалась невежеством, по меньшей мере, глупостью.

В том же 1827 г., у того же поклонника музыки Пушкина, адмирала ангарского флота, Александров встретил на вечере «интересных собеседников», среди них его особенно поразила профессор монгольского языка иркутской семинарии (он же лектор русской словесности) своими мыслями о невозможности перевода на монгольский язык корифеев русской литературы. Этот профессор, «милый весельчак и человек по-семинарски образованный», доказывал, что «ни одной баллады Жуковского невозможно перевести на этот язык, особенно стихами, с рифмами. Легче омонголить Цицерона и Квинта Курция, нежели Жуковского и Хемницера, а о Крылове и Пушкине даже и думать нечего».

Литературные беседы в конце двадцатых годов XIX столетия в Иркутске были, несомненно, уделом немногих, а оценка творчества Пушкина, как национального поэта, создателя литературного русского языка, и размышления о Пушкине, как поэте, «не поддающимся переводу», занимали, вероятно, одного профессора.

О литературных оценках читателей 30-х гг. Иркутска рассказывает нам сборник «Прозаические сочинения учеников Иркутской гимназии», изданный в Петербурге, за год до смерти Пушкина.

«Прозаические сочинения»—это богатейший материал для изучения литературных интересов 30-х годов и особенно в Сибири. Мы встречаем здесь высказывания учеников иркутской гимназии о классиках русской литературы. Авторы пишут о «преобразователе отечественного слова, великом писателе Ломоносове», который, «как новый Орфей, воспел первую и новую для слуха россиян песнь в новом, стройном и сладкогласном тоне и удивил неслыханною гармониею изумленных своих соотчичей!..» Мы находим здесь оценку поэтического дара Державина. «Необыкновенная смелость мыслей, придававшая силу его воображению, пле-

нительное искусство в описаниях и пылкость воображения, источник истинного чувствования питического восторга, составляли отличительные свойства гения».

Здесь восторгаются «золотыми страницами» Карамзина и «поражаясь при чтении неподражаемыми красотами и изящным изложением басен Крылова», считают приятной обязанностью в свободное время заниматься «посильным разбором оных».

Какое же место в «Прозаических сочинениях», в высказываниях передовых читательских кругов Иркутска 1836 г. уделено Пушкину? Мы не найдем там и десятка страниц, посвященных его творчеству, наоборот, там все внимание сосредоточено на Державине, Крылове, Ломоносове. Только два автора упоминают о Пушкине. Один из них—Николай Минин в повести «Царь-девица» берет эпитафией первые строки первой песни «Руслан и Людмила».

—Дела давно минувших дней.
Преданья старины глубокой—

и снова обращается к этим пушкинским стихам при развертывании сюжета своей повести. Другой—Е. Миллер в своем рассказе «Ушакровка» пишет: «Природа! почто не дала ты мне кисти Рафаэля, или не одарила меня талантом стать на ряду с автором Бландушского ключа и живописующим творцом «Бахчисарайского фонтана»? Я бы представил тысячи красот, которыми иркутские жители наслаждаются, в бытность их при водах кристаллоливидной Ушакровки, я бы представил тысячи ландшафтов, окружающих сию единственную и несравненную в краях сибирских речку».¹

Как видим, певец «Бахчисарайского фонтана» произвел огромное впечатление на Миллера, и Пушкина он характеризует, как «живописующего творца». И если мы при этом учтем, что вся книга «Прозаические сочинения» написана

¹ Прозаические сочинения учеников Иркутской гимназии, писанные под руководством старшего учителя российской словесности Ивана Гюлексеньева*. СПб. 1836 г.

«под руководством старшего учителя российской словесности Ивана Полексеньева, то мы должны между оценкой Пушкина Миллером и редактором «Прозаических сочинений» Ив. Полексеньевым поставить знак равенства. Небезынтересно отметить, что передовой читатель 20—30 гг. Москвы и Петербурга также с жадностью набрасывался на «Бахчисарайский фонтан», высоко оценивая в нем музыку пушкинского стиха. Ученик иркутской гимназии Е. Миллер, один из «юных питомцев отеческого слова», хочет в своем творчестве быть равным таланту поднадзорного Пушкина, а старший учитель словесности Ив. Полексеньев не боится печатно показать «в первоначальных опытах занятий по части отечественной словесности, что на образцах опального поэта воспитывает он «юных питомцев!»

Как видим, в тридцатые годы литературная слава Пушкина в Иркутске постепенно укреплялась.

«В 1835 году изданы Департаментом Народного просвещения прозаические сочинения учеников иркутской гимназии в количестве тысячи экземпляров, под руководством даровитого И. М. Полексеньева, старшего учителя русской словесности, поступившего в гимназию из магистров московской духовной академии. Таким образом, наша гимназия, столь удаленная от центра империи, опередила все остальные подобного рода учебные заведения, и руководитель тогда же удостоен представлению к владимирскому ордену. Государю императору и прочим членам царственного семейства поднесено через министра просвещения по одному экземпляру этого сочинения. Оно продавалось по три рубля серебром и все разошлось. В брошюре участвовало тридцать семь питомцев гимназии».¹

К числу этих немногих любителей Пушкина надо отнести крупного иркутского купца В. И. Баснина, библиотеку которого в конце 20-х годов украшали «Бахчисарайский фонтан», изд. 1824 г., «Евгений Онегин», изд. 1825 г., «Рус-

¹ „Возвращение на родину“—Иркутянин, стр. 7.
Ирк., губ. ведомости, № 4, 23 янв. 1858 г.

лан и Людмила», изд. 1828 г., «Цыганы», «Граф Нулин», последние без указания года издания, но это—исключение.¹

При скудности и дороговизне книг, первый читатель Сибири лишен был возможности иметь в собственной библиотеке нужные томики любимых писателей.

В томском архиве сохранились интересные «сборники в стихах и прозе «неизвестного», написанные старинным почерком и относящиеся к 20—30 годам XIX столетия. Здесь нашли свое место и отрывки из произведений Александра Сергеевича, наряду с произведениями других литературных современников Пушкина в России и отрывками из сочинений Сократа, Горация, Конфуция, Шекспира, Боссуэта, Массильона, Геге, Ж. Ж. Руссо, Франклина, Купера, Бальзака и др. иностранных писателей.

Сборники имеют длинные заглавия, следующего содержания:

«Век живи и век учись».

«Непотерянные часы досужества, или вспомогательные средства, служащие к просвещению и замечанию на пути жизни, извлеченные частицами из разных и лучших сочинений в течение с лишним 30-ти лет. Будьте уверены, что написанное в этих книгах стоит переплета. Вы, верно, желаете знать истинный предлог, для чего я к составлению этой смеси приступил? Извольте, вот вам и объяснение: я, как за старостью уволенный со службы, нахожусь больше дома, имею свободное время, частью несколько памяти о преждечитанном и избегаю скуки, дабы не дать праздности торжествовать надо мной. Итак, видите, сколько было побудительных причин собрать для руководства в жизни чужие мысли и нравоучения, которые здесь в отрывках я предлагаю, а в награду за это ожидаю одного терпения, чтобы почитали. Это сочинение назваться не может, что из разных книг выбрано, следовательно и никакой критике подлежать не будет».²

¹ Сведения о произведениях Пушкина в библиотеке В. П. Баснина 1-й половины XIX столетия взяты из подготовляемой к печати работы В. С. Манассеина, любезно представленной нам в рукописи автора.

² Кузнецов—Красноярский. «Из Сибирской старины». Журнал „Сибирский архив“, № 2, февраль 1916 г., стр. 70—71.

Знал ли Пушкин, что в краю, где в мрачных норах подземелья проходят годы заточения его друзей, есть люди, которые знают его произведения, восхищаются ими.

Благодаря своему приятелю Д. С. Соломирскому, А. С. Пушкин знал о той группе читателей сибиряков, которые жили в тридцатых годах в Тобольске.

Передовой читатель Тобольска, в лице известного историка Сибири Словцова, так охарактеризовал свое отношение к Пушкину:

«Сочинения Пушкина должны читать для роскоши ума; везде, где я встречаю произведения его пера, я их пробегаю с жадностью».

Характерное письмо о сибирском читателе было написано Соломирским в июле 1935 г. Пушкину:¹

Надо помнить, что количество людей, группировавшихся вокруг Соломирского и Словцова, было весьма ограничено. Просвещенных людей, приходившихся на весь Тобольск, можно было пересчитать по пальцам. А насколько это была крайне монотонная, серая жизнь провинциальной глуши, вдали от культурного мира, с мелкими житейскими дрызгами в основной окружающей среде, говорят нам печальные строки земляка Словцова, Петра Павловича Ершова, вернувшегося в эти годы из Петербурга в Тобольск. «Наши дни проходят так однообразно, что можно преспокойно проспять целые полгода и, проснувшись, без запинки отвечать: «Все обстоит благополучно».

Через борьбу с литературой реакционного дворянства медленно, но верно, завоевал Пушкин место в сердцах читателей его современников и в далекой холодной, кандалной Сибири, на ее востоке и западе. Но эта борьба в Сибири продолжалась и после смерти поэта.

II

«Глухой зимней ночью 1837 г. жандармы царя Николая I, таясь и крадучись, как воры, увозили из Петербурга мертвое тело Пушкина.

¹ См. текст письма, приведенного в данном сборнике на стр. 94.

Царское правительство пыталось украсть у русского народа его великого поэта, убитого агентом, ставленником дворянской реакции. Давно развеяна наукой официально-либеральная легенда о смерти Пушкина на дуэли из личных мотивов. Поединок Пушкина, затравленного придворной челядью, был завершением длительной борьбы, которую гениальный поэт вел с реакционным дворянством за судьбу русской литературы».¹

С поразительной быстротой, несмотря на принятые правительством меры, с негодованием узнавали повсюду о роковой гибели Пушкина. Писатели, поэты, передовая интеллигенция крепостной России—все те, кто при жизни Пушкина восхищались его великими творениями, понесли по стране печальную весть: умер Пушкин, Пушкина больше нет...

Это сообщение не прошло бесследно и для тогдашней каторжной, пустынной Сибири.

Разными путями дошла весть о смерти Пушкина до сердца немногочисленного отряда друзей, читателей великого поэта в Сибири.

12 февраля 1837 г. горячий поклонник Пушкина Иван Тимофеевич Калашников—первый прозаик Сибири—шлет из Петербурга подробный отчет о дуэли и смерти Пушкина в Тобольск, к своему другу, историку Сибири—Словцову.

«...В течение двух прошедших недель,—пишет Калашников,—здесь все говорило, спорило, шумело о смерти Пушкина. Потеря этого человека, без преувеличения—необыкновенного, поразила сильно, особенно юную генерацию. Говорят, при теле его перебивало 32 тыс. человек. Смерть Карамзина того не произвела»...²

И в эти же дни по глухим почтовым станкам Сибири спешил, возвращавшийся из петербургской служебной командировки, жандармский офицер Петровского каземата Розенберг, имея при себе последнюю светскую новость...

¹ „Правда“, № 346, 17 декабря 1935 г.

² „Пушкин и его современники“, вып. VI, СПб 1908, стр. 104.

В Восточной Сибири, в Петровском каземате, еще в годы творческого роста Александра Сергеевича, николаевские жандармы охраняли от «вредного» влияния на сибирскую общественность друзей поэта—декабристов.

От «немецкого иезуита», «отъявленного негодяя»—жандармского офицера из команды Петровского завода Розенберга—декабристы в 1837 г., вместе с другими новостями высшего петербургского света, узнали о дуэли и смерти великого поэта.

«Весть эта электрической искрой сообщалась в тюрьме—во всех кружках только и речи было, что о смерти Пушкина, об общей нашей потере»,—пишет лицейский друг Александра Сергеевича Иван Иванович Пущин.

Автор замечательных «Записок о Пушкине», услышав от Розенберга печальную весть о трагической смерти своего друга, замечает, что он «сначала решительно не понимал слов рассказчика—так далеко... была мысль, что Пушкин должен умереть во цвете лет, среди живых его надежд». «Это был для меня,—пишет Пущин,—громовой удар безоблачного неба—ошеломило меня, и вся скорбь не вдруг сказалась на сердце».¹

19 октября 1837 г., в день традиционного празднования лицейской годовщины, декабрист Вильгельм Карлович Кюхельбекер в замкнутом горами, малолюдном, бескультурном тогда селе Баргузине, склонившись над заветными страницами своего дневника, пишет:

... А я один средь чуждых мне людей
Стою в ночи, беспомощный и хилый,
Над страшной всех надежд моих могиллой,
Над мрачным гробом всех моих друзей.
В тот гроб бездонный молнией сраженный
Последний дал родимый мне поэт...
И вот опять лицея день священный,
Но Пушкина уже меж нами нет.

¹ И. И. Пущин. «Записки о Пушкине и письма». Редакция и биографический очерк—Я. Штрайха, Гиз. 1927 г. стр. 90.

Продолжением этих скорбных и печальных дум, связанных с утратой любимого друга, является письмо Вильгельма Кюхельбекера от 20 октября 1837 г. своей племяннице Наталье Григорьевне Глинке:

«Вчера была наша лицейская годовщина. Я праздновал ее совершенно один: делиться было не с кем... Я принялся сочинять, если только можно назвать сочинением стихи, в которых вылились чувства, давно уже просившиеся на простор... Много, может быть, между пишущей молодежью с большим талантом, чем я, но, по крайней мере в этот день я—преемник лиры Пушкина, и я хотел оправдать в своих глазах покойного поэта, хотел доказать хоть не другому кому, так самому себе, что он не совсем же даром сказал о Вильгельме: «Мой брат родной по музе, по судьбам».¹

«Дуэль и смерть Пушкина,—пишет известный пушкиновед П. Е. Щеголев,—не нашла сколько-нибудь значительного отклика в русских газетах и журналах того времени. Статьи о Пушкине, появившиеся в 1837 г. в русских газетах, надо считать на строки, а журнальные статьи по всей совокупности заняли несколько страниц. Вот и вся «литература». Нельзя было писать не только о фактических обстоятельствах кончины Пушкина, но и об историко-литературном значении его деятельности».² И в эти дни запретного молчания поражают нас строки И. И. Пущина от 4 декабря 1837 г. из Петровского завода быв. директору Царскосельского лицея Е. А. Энгельгардту, что «в Сибири даже, кого могла, она (смерть Пушкина) поразила, как потеря общественная».

Чтобы понять смерть Пушкина, как потерю общественную, когда об историко-литературном значении поэта, особенно в каторжной Сибири, почти негде было прочитать, нужно было хорошо знать творчество поэта.

¹ „Дневник В. К. Кюхельбекера“ Предисловие Ю. Н. Тынянова. Редакция, введение и примечания В. Н. Орлова и С. И. Хмельницкого. Изд. „Прибой“ 1929 г. стр. 244.

² Щеголев П. Е. „Дуэль и смерть Пушкина“ Изд. 1928 г.

Кого же в 1837 г. в Сибири могла поразить смерть Пушкина, как общественная потеря?

В первую очередь, тех сибиряков, которые близко соприкоснулись с культурной силой Петровского каземата— друзьями Пушкина, декабристами.

Как известно, с 1834 г. семейные декабристы могли жить вне каземата, в самом Петровском заводе, в своих собственных домах. Чиновный, купеческий и служилый люд широко пользовался библиотекой декабристов, обилию книг этой библиотеки мог позавидовать любой культурный центр крепостной России.

«Мы, с общего согласия, выписывали через наших родных самые замечательные современные литературные и политические произведения и самые лучшие периодические журналы и газеты, как иностранные, так и русские. Все, что в то время писалось и издавалось в России замечательного, все, что печаталось за границей, стоящего чтения, как в отдельных сочинениях, так и в периодических, мы все получали без изъятия. Петровский завод многочисленностью своих мастеровых избавил нас от материальных занятий, и мы,—пишет М. А. Бестужев,—погрузились с наслаждением в волны умственного океана, чуть не захлебываясь им».¹

«У декабристов была хорошая библиотека, они советовали, что читать».² Что и говорить, что острог при декабристах был для нас не только университетом, но даже академией»,—рассказывал ученик декабристов Б. В. Белозеров в Петровском заводе И. И. Попову, редактору иркутской газеты «Восточное обозрение».³

Несомненно, Пушкин был включен в число этих «рекомендованных» книг. Одновременно декабристы и сами читали Пушкина.

¹ „Воспоминания Бестужевых“ стр. 231.

² Подчеркнуто нами.

³ „Минувшее и пережитое“ И. И. Попов. Воспоминания за 50 лет. Сибирь и эмиграция. Ленинград, „Колос“, 1924 г.

«В своеобразной нашей тюрьме я следил с любовью за постепенным литературным развитием Пушкина,—сообщает И. И. Пущин.—Мы наслаждались всеми его произведениями, явившимися в свет, получая почти все повременные журналы».

К Петровской заводской «академии» потянулись в 30-х гг. и передовые культурные слои кяхтинского купечества. Боткин, Игумнов и др. приезжали знакомиться с декабристами. Нелегальными путями в Петровский каземат пришла рукописная кяхтинская литературная газета «Стрекоза», о которой вспоминает М. А. Бестужев, что она «писалась в 60 экземплярах».

В 30—40 гг. Кяхта задавала тон всей экономической и культурной жизни края. Миллионные барыши на китайских чаях помогли кяхтинскому купечеству выстроить огромный гостиный двор, собор, а позже эти миллионщики начали овладевать и культурными богатствами дворянства. Интеллигенция—учителя, врачи, представители высшего чиновничьего сословия, находившиеся на службе правительства и купечества Кяхты и Троицкосавска,—отдавали свои знания на дело поднятия культурного уровня своих хозяев. Возник вопрос об издании своего журнала и газеты, хотя бы на первое время рукописных.

Мы расскажем об этом словами очевидца Ивана Кириллова, автора рассказа «Поездка в Кяхту в 1834 г.», помещенного в сборнике «Прозаические сочинения учеников Иркутской гимназии». «Некоторые из чиновников,—пишет автор упомянутого рассказа,—за удовольствие считают посвящать свои досуги занятиям литературы. Из числа таких должно упомянуть о штаб-лекаре Кяхтинской таможни А. И. Орлове, как о человеке чувства эстетического и основательного познания в искусствах, науках и языках, и инспекторе Монголо-Русской школы Б. П. Паршине, неутомимо занимающемся отечественною изящною словесностью и отличающемся в своих сочинениях живым слогом и простотою рассказа. Оба сии чиновника в таком отдаленном от русских столиц азиатском уголке трудятся теперь над составлением журнала под названием «Кяхтинский литератур-

ный цветник» и газеты «Кяхтинская стрекоза». Выбор статей в журнале сем, по мнению знатоков-литераторов, совершенно оправдывает приличное наименование его. Главная цель сих изданий будет состоять в изображении местности кяхтинской в литературном, статистическом, топографическом и этнографическом отношениях. Три тетради сего журнала в стихах и прозе и несколько номеров газеты уже приготовлены были к изданию в нашу бытность. Открывается теперь на оные подписка, которая так счастливо началась, что в первый же день, когда объявлено было приглашение к оной, собрано до 600 рублей».

«Знатоки-литераторы», по выражению иркутского гимназиста Кириллова, Орлов и Паршин, находясь в тесной дружбе с декабристами, конечно, учились и учили своего читателя на первоклассных образцах русской литературы— на произведениях Пушкина. Кяхтинское купечество и троицкосавская интеллигенция знакомилась с творческим гением Пушкина не только через декабристов, они имели возможность узнать о нем и от других лиц, близко знавших поэта, как, например, от Вл. Дм. Соломирского и Н. Я. Бичурина (Иакинфа), которые подолгу жили в Кяхте, занимаясь там разносторонней литературной работой.

В этой благоприятной литературной среде, состоявшей из друзей А. С. Пушкина и местных литературных сил, под влиянием пушкинской музыки, начинал оформляться поэтический талант учительствовавшего в Троицкосавске в 1831—38 гг. сибирского поэта Д. П. Давыдова, автора и донныне популярной песни «Славное море, привольный Байкал». Инициаторы кяхтинской печати, Орлов и Паршин не могли, конечно, не откликнуться на страницах своего журнала и газеты о дуэли и смерти Пушкина. Они могли дать своему подписчику даже точную информацию о последних часах жизни поэта, получив ее от невольных жителей Петровского завода. Декабристы не только вскоре после смерти Пушкина прочли официальное письмо Жуковского, адресованное в форме письма к отцу поэта С. Л. Пушкину, напечатанное в V т. «Современника», но путем «контрабандных сношений» уже в 1837 г. получили списки рукописей врачей Даля и

Спасского, очевидцев предсмертных дней поэта, воспоминания которых, как известно, ходили по рукам, не будучи опубликованными в печати до 60-х гг. XIX столетия.

Только зная о читателях библиотеки декабристов и одновременно являясь читателем «Кяхтинского литературного цветника» и «Кяхтинской стрекозы», мог Пушкин, лишенный жандармами права переступить порог своей проклятой тюрьмы, уверенно писать о серьезных откликах в безграмотной, каторжной Сибири на смерть великого создателя русского литературного языка, писать, что «и в Сибири даже, кого могла, смерть Пушкина поразила, как потеря общественная».

Дуэль и смерть Пушкина волновали читателей Сибири. В этом убеждает нас, записанное нами в 1928 г., семейное предание от колхозницы-рыбачки Елены Павловны Буторовой в с. Макарино, Баргузинского аймака, БМАССР. Детство и юность Елена Павловна провела в с. Горячинске—на туркинских минеральных водах, где жил и умер ее дед Иван Николаевич Беспрозванный, ссыльнопоселенец, крепостной интеллигент.

«У дедушки моего,—рассказывает Елена Павловна,—было прощальное письмо, когда Пушкин отправился на дуэль, мелким почерком написанное. Я не могу всего припомнить, что там было. Оно было написано в виде стихотворения:

Вот уж сяд в санки,
поехал.

Не знаю, что будет впереди
Прощай,

Обнимаю.*

...«Он,—рассказывает дальше Е. П.,—все черты Пушкина рассказывал, какие волосы, какие кудри, когда он ночами просиживал с Пушкиным. Какие комнаты были у Пушкина. какая была мебель. Просто деревянная. Был факель сделан привинченный к стене. Холщевая скатерть на столе грубая, желтого цвета.

Он говорил, что это друг был жизни. Карточка была от Пушкина. Я как сейчас вижу пестрый галстук. В бюст был

снят. Брату дали поиграть. Дедушка пришел ругаться, а он (брат) изломал. Дедушка говорил: «Это друг был, приятель. Уважаемый! Вот друг был!»

Прощальное письмо Пушкина, о котором говорит Е. П. Буторова, вероятно, представляет собою один из каких-нибудь, не дошедших до нас, писем декабристов о дуэли и смерти Пушкина или же списком с рукописей Спасского и Даля о последних часах поэта, о чтении которых в Петровском заводе, задолго до появления их в печати, в письме от 4 декабря 1837 г. к Энгельгардту упоминает И. И. Пущин.¹

Многие из декабристов, как известно, в конце 30-х и начале 40-х гг., ездили восстанавливать потерянное в тюрьме здоровье на курорт Горячинск. Одновременно с ними бывали там ежегодно представители чиновничьего и купеческого мира Восточной Сибири; приезжали туда и из центральной России.

К сожалению, письмо, о котором говорит Е. П. Буторова, порвали разграбившие с Макарино белобандиты-кап-пелевцы. «Письмо Пушкина я берегла. Отец очки оденет да прочитает. Каппелевцы разорвали и письмо и сколько книг на мелкие части»...

Небольшой круг поэтов Сибири пушкинской поры не мог, конечно, не откликнуться своими стихами на смерть любимого поэта.

До нас дошли, сохранившиеся в архиве ИРЛИ в бумагах Евгения Лукича Милькеева, взволнованные строки, посвященные памяти убитого Пушкина, которого талантливый сибиряк называет «истинным певцом, певцом великого, народа».

Евгений Лукич Милькеев—сын нужды и лишений, канцелярский писец Тобольского приказа, поэт-самоучка, поэтическим талантом которого восхищались его современ-

¹ «О Пушкине давно я глубоко погрузился; в „Современнике“ прочел письмо Жуковского; это не помешало мне и теперь не раз вздохнуть о нем, читая Спасского и Даля“. Письмо Пущина Е. А. Энгельгардту. Петровский завод, 4 декабря 1837 год, стр. 115. И. И. Пущин „Заняски о Пушкине и письма“. Редакция и биографический очерк С. Я. Штрайха Гиз. 1927 г.

ники: и поэтесса Каролина Павлова и А. С. Хомяков. Этот поэт-неудачник, не умевший развернуть все свои поэтические силы в кошмарные годы царствования Николая I, трагически покончивший с собою, выразил свое скорбное настроение в связи с гибелью гениального мастера художественного слова в стихотворении, озаглавленном «К портрету Пушкина»:

В болезненных чертах, страданьем заклеянных,
Сверкает пламень дум летучих, вдохновенных,
И, трогательно полон высокой грусти, взор
Льет, кажется, судьбе таинственный укор.
Как звук, умолкнувший нечаянно и странно,
Как пламень алтаря, потухнувший внезапно,
Певец наш истинный, мгновенно ты угас
И скрылся в мир другой, неведомой для нас.
Ты был родным певцом великого народа,
И голос твой шумел, как русская погода,
Был горд и величав, как наши небеса.
И в радугах сверкал и лился как роса;
И снегу белого был чище, холоднее,
Был громче, звонче льду и
Стали был острее¹.

В литературном наследстве другого сибирского поэта, начала 40-х гг. морского офицера Александрова, в комедии «Таежный карнавал», мы находим несколько скупо оброненных, но характерных замечаний о Пушкине и Лермонтове.

Один из героев «Таежного карнавала»—Зетыч,—управляющий приисками, из чиновников,

„Изысканный, натуралист, политик,
По всем частям писатель, даже критик;
Чорт знает что, но сущий декабрист“.

(по определению горного исправника—второго действующего

¹ „Литературное наследство“, 16—18, 1934 г. И. Розанов—„Пушкин в поэзии его современников“, стр. 1036.

щего лица названной комедии), характеризуя литературу после пушкинско-лермонтовского периода, мрачно заявляет:

В словесности—французская болтливость,
В хозяйственных журналах—пустяки:
Трактаты о парах, модели. сошники;
Поэзия давным давно скончалась,
Ни Пушкина, ни Лермонтова нет;
Одна отрада нам осталась—
В листах почтеннейших газет¹.

Так оценивает творчество Пушкина передовой буржуазный читатель Восточной Сибири начала 40-х годов, сопоставляя его с общим спадом поэтической культуры в эпоху, наступившую сразу после смерти Пушкина. Оценка сибирского поэта Александрова словами Зетыча:

„Поэзия давным давно скончалась.
Ни Пушкина, ни Лермонтова нет“—

целиком совпадает с аналогичными выводами современников Пушкина, высказанными в те годы в центральной прессе.

Только теперь, когда под руководством коммунистической партии и нашего любимого гениального вождя т. Сталина, Сибирь кандалная стала социалистической, трудящиеся массы, в прошлом неграмотные, задавленные нищетой, каторжным трудом, знают, кто является подлинными убийцами славного певца великого народа, и вместе со всей нашей замечательной родиной чествует память величайшего национального русского поэта, поэта народов Советской страны.

¹ „Таежный карнавал“—Александрова. Сибирский сборник“. Научно-лит. период. изд. Под редакцией Н. М. Ядринцева. СПб, 1887 г.

Если восторгались творчеством Пушкина читатели чиновники-дворяне, если отдельные педагоги, типа Поликсеньева считали своим долгом знакомить с ним гимназистов—детей сановных чиновников, высшего духовного сословия, именитого купечества, то широкие массы всячески оградялись от Пушкина. Так, например, к иркутским бурсакам в начале 40-х годов «Пушкин не только не допускался,—вспоминает М. В. Загоскин о школьных годах своих,—но против него даже нас предупреждали. Наш ректор прямо высказывал какую-то фантастическую ненависть к «этому развратному вольнодумцу, «особенно за его «глупую лулу на этом глупом небосклоне» и т. п. стихи».¹

¹ Но за стенами бурсы начиналась другая жизнь даже и в Иркутске сороковых годов, «где пахло уж другим духом». Там в чиновничьем и отчасти купеческом быту пушкинские стихи активно вытесняли такие популярные тогда песни, как «Стонет сизый голубочек», «Среди долины ровные». «Гусар на саблю опираясь» и т. п. Заучивая наизусть «Черную шаль», «Талисман» и др. стихи Пушкина, бурсаки параллельно с этим, через гимназистов Поликсеньева, прочитывали и другие произведения Пушкина.

В эти годы из-за дороговизны книг, молодежь, заводила альбомы, куда уже не допускались ни Державин, ни Хемницер, а царили Жуковский и Пушкин. «Мода на альбомы проникла и в бурсу. И вот между нами,—вспоминает Загоскин,—стали появляться «любители» новых писателей, разумеется под секретом. Почти у каждого из нас, где-нибудь под подушкой, хранился или «песенник», или альбом, с запретными стихами Жуковского и Пушкина: у иных были целые томы подобных альбомов». Небезынтересно здесь сопоставить литературные вкусы сороковых годов с двадцатыми в том же Иркутске, о которых «Сибирский Купер»—И. Т. Калашников писал: «и в Иркутске, кто не знал,

¹ «Когда в Иркутске познакомились с Пушкиным»—М. В. Загоскин. Газ. «Восточное обозрение», 1899 г. № 110.

кто не имел стихов Державина? Всякий грамотей, часто незнавший правописания, поставлял неперменным долгом списать несколько стихов великого поэта, в особенности: «Бог», «На счастье», «Вельможа», «На взятие Измаила», «На покорение Варшавы»... Многие помнили их наизусть и любили их цитировать».¹

Естественно, поклонники Державина, Ломоносова, отсталые заправилы бурсы, не могли простить забвение любимцев, да еще кому? Сынам незнатного чиновничьего рода, аршинникам, не могли равнодушно слышать имен Пушкина, Жуковского. И хотя Пушкин звучной песней входил в сознание бурсаков, но его творениями приходилось наслаждаться тайно, скрываясь от полицейских глаз, держиморд бурсы, вследствие чего «школьная жизнь распадалась надвое: к классам,—констатирует М. К. Загоскин,—мы зубрили эрии, эпихоремы, сориты и оды Ломоносова, или же логику с мудреными рогатыми силогизмами, а после уроков зачитывались «Братьями разбойниками», «Цыганами» и распевали кто «Под вечер осенью ненастной», кто «Черную шаль», «Буря мглою небо кроет» и т. д.

Почему бурсаки предпочитали поэзию Пушкина поэзии Ломоносова, Державина, ответ нам дает на этот вопрос тот же М. В. Загоскин. «Понимать Пушкина как следует мы еще не могли; но нас пленяли прелесть его стиха, богатство образов и бесконечное разнообразие содержания».

В школьные годы Загоскина, как он сам неоднократно подчеркивает, в чиновничьем кругу его родных и знакомых «Пушкин уже вытеснил всех старых стихотворцев и с ним соперничал только Жуковский с своими балладами. Не одна молодежь, но и пожилые мужчины и женщины целыми вечерами пели, иногда под звуки гитары «Зимнюю дорогу», «Кубок заздравный», «Русалку»...

В среде этих тогдашних читателей Пушкина мы можем наметить несколько читательских групп, по-разному оцени-

¹ «Записки Иркутского жителя»—И. Т. Калашников. «Рус. Старина», 1905 г., № 7.

вавших отдельные произведения Пушкина. Тут были и страстные альбомные читатели Пушкина и злобствовавшие старики, ненавидевшие поэта, определявшие его поэзию словами «развратный вольнодумец». По свидетельству современника В. Вагина, в статье «Сороковые годы в Иркутске», «такой литературный, образованный человек, как Бобановский, не находил достоинства, например, в «Андрэ Шенье».¹ Если пользовались широкой популярностью поэмы Пушкина и упомянутые выше его песни, то «повести Пушкина не были в ходу: им предпочитали «Юрия Милославского», романы Лажечникова и Вальтер-Скотта». До окончания курса,—указывает Загоскин,—мне довелось где-то прочесть повесть «Пиковую даму» и только».

Декабристы на поселении, в частности, Бестужев в Селенгинске, И. И. Пущин в Ялutorовске продолжали, как и в Петровском заводе, окружавших их сибиряков учить на первоклассных образцах пушкинской лиры.

Автор книги «Минувшее и пережитое» И. И. Попов вот что сообщает о селенгинском периоде Бестужевых в 40-х годах по интересующему нас вопросу. «У Бестужевых была хорошая библиотека, а потом еще сестра Е. А. привезла много книг. Они часто получали посылки с книгами. Они охотно давали читать книги на сторону и указывали, что нужно читать. А. М. Лушников (сын селенгинского купца) брал у Бестужевых Пушкина и так заинтересовался им, что стал заучивать его наизусть, и М. А. (Бестужев) подарил ему Пушкина».

Необходимо провести здесь аналогию с популяризацией Пушкина, особенно периода пребывания его в лицее, И. И. Пущиным в 40-х г. в Западной Сибири. Учитель русского языка Ялutorовского уездного училища Голодников К. М. в своих воспоминаниях о декабристах в Тобольской губернии, рисуя образ Пущина, указывает на следующий момент: «Получив образование в царско-сельском ли-

¹ В. Вагин—„40-е годы в Иркутске“ Литературный сборник под ред. И. М. Ядринцева. СПб 1885, стр. 265.

нее вместе с Пушкиным, бароном Дельвигом и Кюхельбекером, И. И. любил в компании вспоминать свою студенческую жизнь, ее кутежи и хронические увлечения. Он не только помнил имена и фамилии многих своих товарищей, но даже не забыл как-то и некоторых служителей лица, чем-либо выдававшихся.

Однажды он передал нам подлинником известное стихотворение Пушкина, которое в печати значилось так:

Раз случилось от печали
Лиза, я да, Купидон
По бокалу осушили
И гонили мудрость вон.

Между тем, как оно Пушкиным было написано так:

Раз случилось от печали
Пушкин, Пушкин
и баров (Дельвигов)
По бокалу осушили
И Фому гонили вон.

Фома был лицейский служитель, нелюбимый молодежью».¹

И, конечно, молодой купец М. А. Лушников вначале в Селенгинске, а впоследствии в Кяхте, и преподаватель русского языка в Ялуторовске К. М. Голодников в своих беседах в школьной и купеческой среде закрепляли литературную репутацию Пушкина в Сибири. М. А. Лушников в 1885 г. по свидетельству И. И. Попова «свободно читал наизусть всего Пушкина», а К. М. Голодников в 1888 в «Историческом Вестнике» и 1899 г. в «Сибирской торговой газете» поделился с читателями сибиряками тем, что он часто слышал в 40-е годы от ближайшего друга Александра Сергеевича—И. И. Пуцина.

¹ „Декабристы в Тобольской губернии“—И. М. Голодников“ Сибирская газета“, 1899 г. № 56.

Важно здесь подчеркнуть и то обстоятельство, что сибиряки, современники декабристов гораздо раньше познакомились через устные рассказы И. И. Пущина с художественно-очерченным портретом юноши поэта, нежели читатель Европейской России. «Записки о Пушкине» начаты были и закончены только в конце 50-х г. Между прочим, судя по сопоставлению воспоминаний Голодникова и соответственных страниц из «Записок о Пушкине», некоторые детали даже не были внесены из устной передачи Пущиным в отдельные главы его книги. Здесь мы можем проследить и пути формирования мемуаров о Пушкине, бытование их устно в Сибири, отражение наиболее ярких деталей на страницах будущей книги.¹

Если М. В. Загоскин тайно, различными путями знакомился с творчеством Пушкина в 40-е годы, то не менее нелегально с произведениями светской литературы знакомился через него же его ученик в 50-е годы в духовной семинарии, будущий сибирский писатель, С. С. Шашков. Если гимназистам Поликсеньева можно было восторгаться «золотыми страницами» Карамзина, то даже и в этом, не говоря о Жуковском, а тем более о Пушкине, мракобесами было под стражайшей угрозой отказано семинаристам.

«Я кому-то из товарищей,—вспоминает Шашков,—дал читать «Письма русского путешественника» Карамзина; Петр (инспектор) отобрал их, потребовал утром меня и дал мне жестокий нагоняй: «Что читаешь? Что ты путешественником что ли готовишься быть—бестолковый? Читал бы «христианское чтение»,—там язык-то языком, а мысли-то мысли»».

¹ О популяризации Пушкина Пущиным в Ялуторовске свидетельствует и С. Семенов. «Больше других о прошлом говорил И. И. Пущин. Он часто рассказывал о своей дружбе с А. С. Пушкиным, о самом поэте, о литературных собраниях, на которых А. С. читал друзьям свои стихи. У Пущина было много собственноручных писем и рукописей Пушкина, которые И. И. показывал собеседникам. Сергей Семенов «Декабристы в Ялуторовске (из воспоминаний современника), Жур. „Сибирский архив“, № 6—8, 1913 г., стр. 277.

Книга полетела в топившуюся печку, а на меня Петр крикнул: «Пошел вон, бестолковый».¹

Наступали новые в истории царской России—шестидесятые годы. Дыхание их ощущалось и в Восточной Сибири. «Наступление нового царствования действовало возбуждительно на молодые умы. Я,—пишет С. С. Шашков в своей автобиографии,—уже интересовался общественными вопросами, особенно бесчисленно ходившими по городу списками разных, относящихся к России, сочинений, и газетными обличениями». «В то же время я начал писать стихи не в прежнем фетовском роде, а в общественном. По рукам тогда (1858) ходило много рукописей, между прочим со стихами Некрасова, Огарева, Плещеева и т. д.»¹

Этот интерес к гражданским темам, к гражданским поэтам начинает в Иркутске с каждым годом усиливаться. Уже в проведенных в Иркутске, в первых литературно-разговорных вечерах с января по 30 мая 1861 г., мы в опубликованном отчете в газ. «Амур» не находим разбора произведений Пушкина и Жуковского, их место заняли стихи Некрасова, Огарева, Розенгейма. Духом времени можно объяснить и то, что М. В. Загоскин, будучи редактором в 1860—61 гг. газ. «Амур», не нашел возможным поделиться с шестидесятниками своими воспоминаниями о Пушкине на страницах редактированной им газеты, и лишь в 1899 г., когда интерес к Пушкину стал усиливаться, написал в газ. «Восточное обозрение», цитированную нами не раз статью «Когда в Иркутске познакомились с Пушкиным».

IV

В царской Сибири прошло три юбилейных даты, связанных с великим поэтом А. С. Пушкиным.

1881 год—год открытия памятника в Москве гениальному мастеру художественного слова. Правительственная Си-

¹ „Автобиография С. С. Шашкова“, Газ. „Восточное обозрение“, 1882, № 80.

бирь «развернула подготовку» к сбору средств на памятник поэту.

«В 1871 году иркутским генерал-губернатором, за № 175 от 1-го июля, было предписано Нижне-Удинскому Уездному Полицейскому Управлению «произвести в уезде сбор денег на памятник поэту Пушкину». Нижнеудинское Уездное Полицейское Управление, несмотря на еще двухкратное напоминание иркутского генерал-губернатора, все время молчало и только через пять лет, в 1876 году, наконец, откликнулось, и, представив генерал-губернатору, собранные на памятник поэту Пушкину, деньги в сумме четырех рублей семидесяти копеек, донесло, что «эти деньги удалось собрать только в одной Братской волости, да и то благодаря лишь полицейским мерам воздействия»...¹

Точь-в-точь как писал в записной книжке один из героев великого русского сатирика Салтыкова-Щедрина:

«Немецкий прынец в свое место проезжал—3000 руб., губернатор звал на чашку чая—6000 руб., в участок на патриотизм—5000; на памятник Пушкину—15 к.»...

1887 год. Исполнилось пятьдесят лет со дня гибели великого поэта. На страницах газеты «Восточное обозрение» появилось извещение о панихиде по Пушкину. И это все, что могла сказать пресса в связи с памятью пушкинского гения. Больше ни строчки!

26 мая 1899 г.—столетний юбилей со дня рождения Александра Сергеевича.

...В пользу голодающих Сибири и Европейской России в городском театре 30-го мая 1899 года будет дан концерт...

Таким объявлением открывали свою юбилейную страницу, посвященную Пушкину иркутская газета «Восточное обозрение» 26 мая 1899 года.

«Задавленным нищетой, каторжным трудом, неграмотным и темным массам было тогда не до поэзии и литера-

¹ Леонид Орлов „По Сибирским архивам. “Журнал „Сибирская летопись“, № 6—8, 1916 г. стр. 366.

туры. Культура была монопольным достоянием дворянства и буржуазии. Называя Пушкина национальным поэтом, они сами себя отождествляли с нацией, но к этой «нации» капиталистов и помещиков с глубокой враждой относились миллионы трудящихся».¹

В Иркутск прибывали все новые и новые семьи голодающих безработных. «Восточное обозрение» в передовой статье, захлебываясь, писало о всенародном торжестве.

«Сегодняшний день—день всероссийского торжества, полная победа духа над материальной силой: сегодня писательский гений, объединяя вокруг своего памятника различные партии, разные сословия, Россию, служилую и несслужилую, вознесся на такую высоту, на какую в России еще не поднимался ни один гений. В лице Пушкина чувствуется не полководец, не государственный муж, а писательский гений—«дар божий», который есть превыше всего и пред которым сегодня склонилась государственная, общественная и народная Россия...»¹

А в третьей колонке, после передовой юбилейной страницы, в небольшой заметке «Пушкин и народ», пришлось, хотя и неполным голосом, сказать горькую истину, которую автор статьи называет только «крупным пробелом»: «в сегодняшний день среди массы лиц, стоящих в восторженном преклонении вокруг памятника, мы почти не видим простого народа...»

«Грамотные крестьяне знают Пушкина только по обрывкам, которые помещены в книжках для чтения, а масса населения даже и с этим не знакома и никогда не слышала имени поэта».

«...Завещание великого поэта и доныне не исполнены не только среди тунгусов, калмыков и др. инородцев, но даже среди родственных поэту великоруссов».

Заправила сибирских городов—гласные Городской Думы—сибирские капиталисты, богатеи глубокомысленно думали над тем, как организовать пушкинские торжества.

¹ „Правда“, 17 декабря 1935 г. Разрядка здесь и ниже наша.

Газета «Сибирская жизнь» рассказывает: «При обсуждении вопроса, какая сумма должна быть ассигнована на пушкинские празднества, один из гласных предложил назначить 100 рублей. Громкие голоса некоторых полупочтенных думцев требовали уменьшения ассигновки до 50 рублей.

— Нельзя же, господа,—урезонивал гласный:—надо приобрести бюст, заказать портрет. Хорошо было бы раздать народу и детям книжки...

— Книжки?!—подхватил один из «столпов», недоумевающе «уставя браду»:—Пустое! Дороги ли книги те? Да, бери у меня житие Алексея божия человека—по грошу книжка, да и раздавай: на три рубля весь город подаришь.

Думцы переглянулись...»

«Национальный всенародный» праздник начался тем, что в Иркутске 26 мая, в Казанском соборе отслужена была панихида по поэту. После панихиды ученики и ученицы начальных школ «с густой массой народа» направились к зданию думы, где на балконе, утопая в зелени, стоял бюст поэта, окаймленный венками иркутских общественных организаций. В заключительных строках отчета о пушкинских празднествах в Иркутске у стен Городской Думы, очеркист уныло повествует: «Присутствовали члены пушкинской комиссии, эти присяжные устроители празднества и небольшая кучка иркутской интеллигенции. Получалась такого рода картина, что будто взрослые просто на просто пришли посмотреть, как будут веселиться на празднике дети. Говоря другими словами, местное общество очень холодно отнеслось к чествованию поэта и этот национальный праздник, из праздников праздник, прошел поэту вяло и безцветно. Сибирская ли апатия тому виной, неподвижность ли наша, или просто мы не привыкли к подобного рода празднованиям—бог его ведает...»

С мест поступают письма о проведенных пушкинских торжествах. Вот пишут из гор. Красноярска о том, как пушкинская комиссия участвовала в празднествах в учеб-

¹ Разрядка наша.

ных заведений города. «Но что же сделали другие?—С горечью восклицает красноярский корреспондент,—как и чем почтили память А. С. Пушкина наши общества: общество врачей и др.? Как и чем помянули Пушкина наши различные; купцы, мещане, ремесленники, чиновники, военные и др.?

Ничем, как будто бы Пушкина для них и не существовало. Удивительная инертность, удивительная некультурность! Оказывается, что нужно пропагандировать Пушкина у нас еще не среди сибирских инородцев, не среди народа, а среди местной интеллигенции, городских сословий; деревне, что и говорить, когда даже в городе не хотят знать Пушкина.

27-го мая, я,—продолжает корреспондент,—случайно был в огромном подгородном селе Установском.

Все тихо и мирно. О Пушкине ни гу-гу. Спрашивал: «что же вы не устроили хотя бы в школе какого-нибудь праздника в честь памяти Пушкина?» Говорят, что школа совершенно не имеет средств и даже в самых необходимых учебниках нуждается».

Характерной иллюстрацией к тому, как проходил «национальный праздник» в глухих пунктах тогдашней Сибири является хроникальная заметка газ. «Восточное обозрение» из далекого Киренска.

...«Один господин вынужден был провести Пушкинские дни в дороге. Счастливый случай доставил ему удовольствие быть 27 мая в Киренском, где, как в культурном пункте, он надеялся попасть на праздники, но сколько он ни искал каких-либо признаков народного праздника, в какие общественные здания и учреждения не заглядывал,—езде было пусто и безжизненно. Ничто не напоминало о Пушкине. В училище встретились только школьники с маленькими книжками и конфетами. Видимо, только они и знали кое-что о великом торжестве этого дня. Некоторые объясняли такое невнимание к Пушкину отсутствием в это время исправника—некому было распорядиться».

Церковь и цензура давали направление оценки пушкинского гения. За две недели до официальных торжеств, Ир-

кутские «Епархиальные ведомости» поместили свою руководящую статью о Пушкине, дав на двух страницах приличествующий духовному журналу и своему светскому начальству образ Пушкина, редакция заканчивает его следующими двумя христианскими абзацами:

«Кроме того заслуга А. С. пред современниками и потомством состоит еще и в том, что своими чарующими произведениями, он возбуждает чувство любви к природе и человеку, к родине и ее славе, к просвещению и религии. При этом есть глубокие основания почитать память великого поэта и духовному ведомству, потому что А. С. был одним из наилучших выразителей тех величайших гуманных и, при случае, христианских заветов,¹ представителями и глашатаями которых призвано быть и православное духовенство. Что это так, достаточно указать хотя на его стихотворение «Великопостная молитва».

«Таковы в общем—заслуги А. С. Пушкина для России. В заключение остается сказать, что угас он безвременно, убитый на дуэли бароном Дантесом, а поводом к ней послужили ядовитые сплетни, распушенные на счет его жены его врагами. Умер он 28 января 1837 года».

Так всеми способами стремились церковь и правительство скрыть подлинный образ автора антирелигиозной поэмы «Гаврилиады», перелицовывая его на православный патриотический лад, замалчивая истинные причины безвременной гибели Пушкина.

В фельетоне газ. «Сибирский Вестник» № 120, 6 июня 1899 г., автор, скрывшийся под псевдонимом Невидимка, приоткрыл завесу подлинной организации пушкинского юбилея. Цензурные рамки не позволили, очевидно, автору сказать все. Но и сказанное является смелой характеристикой тому, что называло официальная Россия «национальным праздником».

«Каких-нибудь тридцать лет назад назвать Пушкина гениальным было бы, по меньшей мере, большой неосторож-

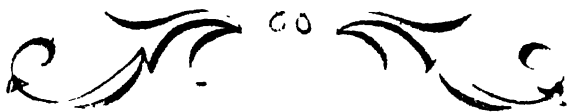
¹ Разрядка наша.

ностью. А шестьдесят лет назад—это было бы преступлением, подлежащим известной каре. Да, что там тридцать, да пятьдесят лет!.. Год, два тому назад ни один из жрецов мундирной науки, изливающих сейчас в потоках красноречия по случаю пушкинского юбилея, не посмел бы заикнуться о Пушкине, как о народном певце, гражданине и государственном муже. Нужна была указка, чтобы разверзлись уста и преклонились колена. И стоило лишь этой указке мелькнуть пред нашими глазами, как расцвели дифирамбы один пышнее другого».

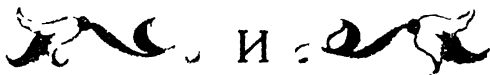
В эти юбилейные дни нельзя было говорить и писать о подлинном Пушкине. «Послание в Сибирь» Пушкина декабристам замалчивалось, потому что это послание в 1899 году звучало так же призывно политической ссылке, как в 1827 году друзьям поэта декабристам.

В эти годы в сибирских тюрьмах, этапных пунктах, в глухих селах на поселении томились те, кто приступил к организации сил пролетариата. В селе Шушенском, Минусинского уезда отбывал третий год ссылки гениальный организатор партии рабочего класса Владимир Ильич Ленин. Здесь в упорной подготовке к предстоящим классовым боям Ильич параллельно со своей повседневной напряженной литературной работой отдыхал над томиками Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

А. С. ПУШКИН

СИБИРЬ

МОСКВА 1937 ИРКУТСК
ВОСТСИБОБЛГИЗ